

Екатерина ЖИЛИНА

Екатерина Жилина родилась в 1974 году в Первоуральске. По образованию культуролог. Стихи публиковались на сайте «Полутона», в журнале «Дегуста», переводились на итальянский язык. Автор двух книг стихов – «Платочек» и «Стимпанк». Живет в Екатеринбурге.

Место 404, маршрут или комната, мало ли что ещё. Нет неподвижности, тут начинается формироваться отдельная уединённая история – книги, записи и вещи более не принадлежат миру за порогом. Всегда уязвимое, такое уязвимое, – защищаясь учишься объяснять своё присутствие – всегда.

...и прочь
[ни словом, ни взглядом]
Ждёшь ли кого? – Да!
Обнял бы сзади,
Невидимый,
покуда не оборотит
глазами к глазам

Усталъ ростепели
веки тяжелы, источено,
прорежено, насквозь
дыряво то,
что из укладки
развернёшь увидеть,
при той поре,
когда вплотную –
об нём заранее знаешь –
зайдёт то, от чего
отворотиться лъзя,
и всё же –
никак не можется,
когда
спасённому
не быть

Подумайте о том, сколь много тревоги и беспокойства и доуки в тех вынужденных паузах, в которые оправляешь беспорядок в одежде, когда пальцы не отыскивают раструба перчатки и треск петелек сводит с ума, в которые ищешь ключи там, где них нету, – не уйти с места вмиг, и через то увидеть и услышать положительно лишнее, ах, как уйти? – уже в дверях, а всё никак не выйдешь.

Сороки тихонько скрежещут внутри прохудившегося гнезда в яблонево́й аллее возле старой Станции скорой помощи. Всяк занят своим. Трещания, гудения, чирик и шелест шагов в сухих листьях, которые усердно переворачиваются каждым пернатым пешеходом.

Далёкий голос – молчание от утери адреса, но вот же – дозволялся, и всё – о пустяках, они и грели сердце и делали его желанным для меня, но вкрадется и станет неотступно – ведь говорят – к иным – войдут и сядут, перчатки рвя в рассеяньи и слов найти нельзя обоим – и веришь глазам, но верить и тому приходится, [что заглублён в земле] того – не надобно, едва ли [...]

Покажут
затемнение в душе
лица и рук
правдивые оконца, –
гадай
по очертаниям пятна, –
кому
ход под развилкой
выйдет боком.

Конечно
всё позабудешь,
едва,
отмычек не прихватив,
войдёшь

Покуда,
не уловлён
ни в ад,
ни в вертоград

С улыбкой дольней:
«Чего тебе?
Моей погибели?» –
склонюсь
зубам и когтям.

Вертоград и ад
сомкнутся
отсюда и навсегда

Снег – всё, как пепел,
как пепел поутру,

когда из гавани ушла трирема(?)
и возвратилась – неверно
написано письмо
с рекомендациею, рвут
конверт, с листка
сдувают пепел,
велят чинить перо –
переписать, метёт –
сильней, сильнее

Отосланные прочь, вернутся неузнанными, – раздетой руку подадут, щекою к щеке, сличая отпечатки, глядятся глаза в глаза – перверсия любви? – запястье хрустнет веткою в дыре, – разящий щёлк зубов? – лепет, любовный лепет, заволоком оборочён, – возлюбленные губы разойдутся порезом в незабвенной целине, целуя кою, дуешь на волоски безцветные, – ласкаешь прикасаясь к тому, чего дотрагивалось милое тебе.

А не то уродуют, слепив листы, замарывая, надрезая, отрезывая, вклеивая вместо, либо поверх, – всё, чтобы выправить или заделать, тайну замуровать, как будто бы бумажного листа в огонь не бросить, не изорвать в клочки, которых не собрать, не привести в порядок, не закрепить на холке скакунка, который, как ни окликнешь, – вмиг подставит ногу, – по рыцарски подсадив в седло, – бумажной массе голос, подмешав, которого, что шёпот, то и вопль, достигнут – чего-то... кого-то... от кого и прячут все слова, слова любые, обращаемые в звук.

404. отыскивать места, где можно отъединиться от всего остального – сидеть, раскрывшись всему дому... ну... этому месту, улице за окном, конечно, вернее они открываются мне – так правильнее. Пустые номера, палаты и лестничные клетки – обхаживаешь, обнаружив, оберегаешь – для себя. И там с тобою отдариваться вневременьем – временным вневременным отдыхом, – если допустить, что можно где-то остановиться, сесть у окна в кресло, предварительно отодвинув его от окна, чтобы не было видно снаружи – то есть самой оставаться невидимой, и пока сидишь в кресле – всё-всё-всё откладывается на срок, который исполнится, когда выйдешь из комнаты, но пока ты там, внутри – ты почти свободен, время остаётся за порогом, оно не войдёт, и от него не спастись, но можно задержать процесс. Мы с папой проходили поздними вечерами многими лестницами, коридорами и переходами – чтобы набрать чайник воды из титана в кухне и отнести его с собою обратно. Мне не кажется, чтобы он умышленно учил меня... умению, какому-то неформулируемому умению – искать и находить безопасное безлюдье, замкнутое безлюдье, где ничего не произойдёт со мною из того, что приурочено мне – оно настигнет меня – но не там. Почему я выхожу? – слишком хорошо там. Непосильно хорошо.